

Естественно, что человеком, который привлекал наибольшее внимание на этом дебютном балу, была принцесса Анжелика Розентиум. Нет такого человека, который бы не оценил её красоту: нежные красные глаза и розовые волосы, как императорской наложницы Беллоны. Вдобавок ко всему, император сказал, что его младшая дочь особенно прекрасна, поэтому её популярность среди молодых лордов резко возросла.

После танца с великим герцогом, который выглядел настолько незаинтересованным в людях, что казалось словно его заставили, к принцессе выстроилась очередь из мужчин, которые хотели бы пригласить её танцевать. Все были полны надежд, мечтая о романе с ней.

Следующей леди, привлекающей всеобщее внимание, была Беатрис Эмбер из семьи герцога Эмбера, покрытая ореолом тайны, впервые появившаяся в обществе. Девушка с золотыми глазами и волосами цвета вороного крыла отличалась от нынешних членов герцогского рода, и её окружала совсем иная аура, чем императорскую принцессу. В её заострённых глазах, опущенных, как у других дебютанток, не было ни капли волнения, словно её ничего не интересовало. Хотя партнёром Беатрис был герцог Маркес, не было ни единого признака, что она испытывает гордость или трепет.

Мужчины, которые собирались стать претендентами на её второй танец, вскоре заметили принца, который ни с кем не танцевал, а смотрел только на леди Эмбер. Они быстро изменили решение. Какой мужчина захочет соревноваться с наследным принцем?

Платье леди Эмбер, танцующей с герцогом Маркесом, взметнулось, словно распутившиеся лепестки цветка, и опустилось. При каждом движении Беатрис её чёрные волосы и жемчужное платье сверкали, как звёзды, словно Млечный Путь оказался посреди зала. Они так думали, потому что не знали о тяжёлой работе горничных, которые старательно украсили платье и волосы пудрой из драгоценных камней.

Лицо Беатрис без улыбки, контрастирующее с сияющим внешним видом, привлекало к себе внимание. Она продолжала что-то говорить, глядя только на своего партнера, и на губах герцога Маркеса, который слушал её, появилась мягкая улыбка. Юные леди, увидев это, восторженно вздохнули, но они этого не заметили.

Помимо Беатрис и её партнёра, была ещё одна пара, которая, естественно, привлекла внимание. В отличие от принцессы и леди Эмбер, Пенелопа Сизтлин была из скромной семьи барона, но её серебристые волосы и фиолетовые глаза, которые светились разными оттенками в зависимости от угла освещения, придавали ей загадочности и очарования.

Кроме того, её партнёром был Фрэнсис Беленоуз — новый паладин, на которого возлагал большие надежды нынешний первосвященник. Говорили, что по силе он уже был практически наравне с императорскими рыцарями. Его внешность тоже способствовала его популярности. У Фрэнсиса были короткие светлые волосы, отливающие красным при каждом движении, и глубокие голубые глаза, которые в полной мере раскрывали таинственный образ Пенелопы, гармонируя, как рассветное и ночное небо.

Те, кто успел кратко пообщаться с леди Сиэтлин, говорили о том, какой красивый у нее голос, как она мило разговаривает, и как девушка прекрасна, когда смеется, а также разгорались жаркие споры, кто станет цветком светского общества.

Ирод время от времени поглядывал на Беатрис, непринужденно беседуя с аристократами, которые приветствовали его. Дворяне, заметив его пристальный взгляд, поспешно замолчали и задумались. На сей раз наследный принц заинтересовался леди Эмбер, но дочь из герцогской семьи не подходила для краткого романа. Наследный принц самовлюблен, но он не был глупым, поэтому должен был это знать.

«Неужели он наконец-то решился выбрать себе невесту?»

Леди Эмбер отличалась внешне от девушек, с которыми встречался принц, поэтому они не могли сделать никаких выводов. Итак, типаж Ирода...

— Леди Сиэтлин особенно прекрасна, — непринуждённым тоном произнесла графиня Витуруа.

Наследный принц, смотревший на Беатрис, перевел взгляд, и графиня улыбнулась, слегка прикрыв рот веером.

— Хотя она всего лишь дочь барона, разве леди Сиэтлин не достаточно красива, чтобы заставлять лордов оборачиваться на неё? Как мой сын, например, — графиня недовольно посмотрела на своего ребёнка, который стоял напротив неё.

— Я смотрел на леди Сиэтлин, пуская слюни.

Графиня тихонько рассмеялась, но подумала, как ей хочется ткнуть своему сыну в глаза. Наследник графа не должен так явно показывать свои желания. Она со вздохом подумала, что неправильно воспитала сына, а ещё, что это всё ему передалось от отца.

— Да, красивая, — ответил безразличным тоном принц, посмотрев на Пенелопу.

Графиня удивлённо моргнула. Принц обычно встречался с девушками со светлыми волосами и тёмными глазами. Женщины, чьи трепещущие ресницы при смехе напоминали крылья ангелов. Но леди, на которую сейчас смотрел принц...

— Я впервые встречаю леди Эмбер, но она похожа на вдовствующую герцогиню.

Слова «Хотя они не связаны кровным родством» были опущены. Теперь, когда вдовствующая герцогиня явно показала, что заботится о своей дочери, не стоило идти ей наперекор, болтая лишнее. Хотя внешне леди Эмбер и её мать не были похожи, их жесты, взгляды и выражения лиц были практически одинаковыми. Никто не мог этого отрицать.

— И она очень красивая. Люди с такими чёрными волосами редко встречаются.

У наследного принца были иссиня-чёрные волосы, а герцог Маркес хоть и выглядел брюнетом в темноте, на самом деле его шевелюра была синей. Но пряди Беатрис не теряли свой цвет даже на свету. Поэтому каждый раз, когда её волосы развевались, это было похоже на танец теней. Кожа Беатрис выглядела гладкой и твердой, как фарфор, а золотые глаза сияли, как солнце в середине лета, но было в их глубине нечто, отчего людей бросало в дрожь.

— Да, она очень красивая, — последовал ответ принца.

Его тон отличался от того, когда он говорил о леди Сиэтлин. Аристократы переглянулись. Взгляд принца Ирода проследовал вслед за герцогом Маркесом и её развевающейся юбкой. Белое платье, контрастирующее с её волосами, покачивалось в такт музыке. Он не мог оторвать глаз от этих движений.

У него с давних пор был наметанный глаз на людей. Принц всегда узнавал, кому он не нравится, даже если на их лицах были улыбки, а ещё у него был талант убеждать тех, кто был в него влюблен. Хотя Ирод не видел будущее, как первый король, согласно легендам империи, его интуиция была лучше, чем у обычных людей, и он несколько раз избегал непредсказуемых опасностей. Некоторые называли его реинкарнацией первого короля и открыто восхваляли. Поэтому принц не мог закрывать глаза на Беатрис Эмбер и то чувство, которое он испытал, когда впервые увидел её.

Когда Ирод стоял на возвышении вместе с императрицей и смотрел сверху вниз на дворян, его сердце забилося при виде женщины, которую он случайно увидел. Чёрные волосы, белая кожа. Плотно сомкнутые накрашенные губы и опущенные ресницы, слегка прикрывающие глаза. Его внимание привлекла каждая черта её лица.

Когда Беатрис подошла ближе и поздоровалась, его сердце быстро забилося, контрастируя с медленно моргающими глазами. Принц не мог перестать целовать тыльную сторону её ладони, вопреки своему страху, что она может заметить его учащенное сердцебиение. Он как будто встретил что-то, против чего не мог устоять, как травоядное животное, стоящее перед хищником. Ирод впервые испытал такие чувства при виде женщины. Сердце, которое выходит из-под контроля. Слегка учащенное дыхание. Взгляд, который невозможно отвести, пересохшие губы. Вот это всё.

— Она красивее, чем кто-либо на этой вечеринке.

Это означает, что он влюбился с первого взгляда.

Да, так он думал.

\*\*\*\*\*

Беатрис следовала за Канеманом около пятнадцати кругов под музыку, и ей стало скучно. Музыка закончится только после ещё десяти кругов. Один поворот, затем другой. Она считала, сколько раз её тело развернулось, а платье раздулось, как капкейк, и опало снова. Почувствовав её скуку, Канеман притянул Беатрис чуть ближе.

— Вам совсем не интересно?

— Семь.

Канеман слегка нахмурился, когда в ответ она назвала число. Женщина перед ним иногда говорила непонятные или вырванные из контекста слова, как сейчас, поэтому в разговоре с ней требовалась высокая концентрация. Канеман сделал поворот вместе с ней, гадая, что может означать это число.

— Восемь.

Немедленно назвала Беатрис ещё одно число.

«А, так она считала повороты?»

Канеман беззвучно рассмеялся, потому что потерял дар речи. Он понаблюдал за ней какое-то время, размышляя, зачем она считает повороты, а затем начал догадываться

«Похоже, она начинает считать, когда ей приходится делать что-то, чего ей не хочется».

Беатрис не могла скрыть своей скуки, надеясь, что этот танец скоро закончится. Канеман на мгновение задумался, не должно ли это задеть его гордость. Он был самым популярным женихом в империи. Даже если исключить всё остальное, Канеман был уверен в своей внешности. Хотя каждый год ему приходило столько любовных писем и приглашений стать партнёром на дебютном балу, что он мог топить ими камин вместо дров, эта женщина совсем не испытывала к нему интереса. Было бы забавно, если бы она притворялась, но Беатрис действительно не интересовал Канеман как мужчина.

Танец этих двоих закончился ещё через восемь кругов. Затем раздались аплодисменты в честь дебютанток и их партнёров. Танец Канемана Маркеса и Беатрис Эмбер был восхитителен. Молодые лорды и леди, которые только что дебютировали, иногда допускают ошибки, когда танцуют, но ни одна из дам сегодня не допустила заметных промахов. И среди них танец Беатрис был самым искусным и прекрасным.

Принцесса, которая получила основательное образование, блестяще танцевала, но ей не хватило мастерства леди Эмбер. Движения Беатрис были, как у человека, который танцует уже

давно. С учетом мастерства её партнёра, герцога Маркеса, они словно порхали по танцевальному залу.

<http://tl.rulate.ru/book/60750/2309728>